

АЛЕКСАНДР ЛЫШКОВ

БЫТЬ
В СБОРНИК РАССКАЗОВ
ФОРМЕ

«Быть в форме» – это сборник рассказов, в который вошли воспоминания автора о службе в военно-морском флоте и истории, случившиеся с ним и его друзьями в период конца прошлого – начала нынешнего тысячелетия. События описаны в жанре иронической прозы.

Для читателей, входящих в число друзей и знакомых автора, а также просто для любителей этого жанра.

Предисловие ко второму изданию, исправленному и дополненному

Во второе издание сборника вошли известные по «Общей тетради» истории нашей компании и другие воспоминания, претерпевшие некоторую переработку и прошедшие «шлифовку» с учётом того небольшого опыта, который автор приобрёл за последний год на ниве сравнительно нового для него литературного творчества. Сборник содержит несколько новых историй из жизни нашей компании, а также небольшой цикл рассказов о тех событиях, которые автор пережил или свидетелем которых явился в период обучения в военно-морской академии и в ходе дальнейшей службы в ВМФ.

Один из рассказов об этом периоде – «Мамаша Ширшов» – был номинирован на национальную литературную премию «Писатель года 2017» и вошёл в число её финалистов.

Также, как и в предисловии к первому изданию, автор выражает надежду на великодушие и снисходительность у тех, кого он упомянул в этой книге, а также на то, что эти сочинения вызовут интерес и, может быть, улыбку у читателя, который не имеет непосредственного отношения к описываемым событиям и не знаком с их участниками.

Некоторые имена и фамилии упомянутых в рассказах лиц изменены в силу этических соображений.

Автор выражает признательность Зое Хлебниковой, оказавшей помощь в редактировании рукописи.

Обо всех обнаруженных неточностях и опечатках прошу сообщить по адресу lyshkov@mail.ru

В военной форме

Визит Главкома

На утреннем построении нам объявляют приказ начальника академии в полдень собраться в актовом зале. Занятия, назначенные на эти часы, отменяются. Потому как повод к этому далеко не ординарный – к нам с визитом прибывает Главнокомандующий Военно-морским флотом. Надо сказать, что руководство высокого уровня нечасто удостаивает своим вниманием нашу аудиторию. А тут в кои-то веки сам главком соизволил встретиться со слушателями академии и выступить перед ними с лекцией.

Не прошло и месяца, как мы переступили порог этого учебного заведения. Для офицера отметка об окончании академии в личном деле сулит определённые бонусы и благотворно сказывается на дальнейшем его продвижении по служебной лестнице. Во всяком случае, при рассмотрении кандидатов на вышестоящую должность академия за плечами – явный козырь. Недаром ромбик – нагрудный значок, выдаваемый выпускнику после окончания учебного заведения, называют поплавком. Потому, как неплохо наверх вытягивает. Не на самый, конечно – для этого его обладателю нужно и другими качествами обладать, не будем уточнять, какими, но утонуть не даст – это точно.

Иногда слышишь избитую фразу – плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Наверное, это можно по праву отнести к слушательской аудитории академии, заменив сухопутные звания на морские. И если не ко всей, то к определённой, значительной её части – вне всякого сомнения.

Но не секрет, что немало офицеров поступает сюда, повинувшись исключительно желанию расстаться со своим прежним местом службы. Ибо если ты ответственный и исполнительный офицер и к тому же хороший специалист – шансы распрощаться с наскучившей тебе должностью, которую ты давно перерос, прямо скажем, невелики. И ты годами можешь исполнять приевшиеся тебе обязанности, ожидая милости от начальства в виде подписания рапорта на твоё перемещение. В лучшем случае, можешь рассчитывать на это только в пределах своей части. Хорошо, если она, эта часть, расположена не в отдалённом гарнизоне, а в одной из столиц или, на худой конец, в крупном областном центре. А если вокруг одни лишь пустынные сопки да

унылые бараки?

А вот с недотёпой и забулдыгой всё гораздо проще – никто тебя особо держать не станет. Поэтому, если тебе нестерпимо хочется расстаться с обрыдлыми должностными обязанностями и с видом из окна твоего служебного жилья на санпропускник в зону радиационной безопасности, где красуются подводные ракетоносцы, у тебя есть выбор – или регулярно опаздывать на утреннее построение, спустя рукава относиться к служебным обязанностям, прикинувшись, как выражаются на флоте, шлангом, а в довершении ко всему – хорошенько запить, или добиться от начальства подписания рапорта о направлении тебя на учёбу в академию. Можно, конечно, и на курсы, но только лишь академия освобождает тебя от необ-ходимости возвращения на прежнее место службы.

Первый путь хоть и немудрён и сравнительно короток, но чреват чувствительными дисциплинарными взысканиями и, вдобавок, материальными и репутационными потерями. А если ты к тому же коммунист или комсомолец со стажем – а надо заметить, что беспартийных в вооружённых силах не любят и хода им в не дают – то и травлей по партийной части. Да и сам конечный пункт прибытия при следовании этим путём не всегда тот, к которому стремишься.

Второй путь менее травматичен, но долог и тернист. Далеко не каждый командир подписывает твой рапорт с первого раза, всякий раз без труда находя благовидный предлог, чтобы задержать тебя ещё на годикдругой в своём распоряжении. И здесь бесполезно апеллировать к кадровику о плановом перемещении, на которое ты согласно приказу министра обороны имеешь полное право после пяти лет пребывания в любом отдалённом гарнизоне. Но уж если тебе повезло с начальством, а способности к обучению ещё не утрачены – путь в академию как раз для тебя.

И вот мы, разными путями попавшие в это славное заведение и ещё сравнительно недавно – вырвавшиеся на свободу из флотской рутины баловни судьбы, а ныне – усердно вгрызающиеся в гранит военной науки школяры, сидим в актовом зале и слушаем главкома. Высокий и статный адмирал, в облике которого угадываются довольно редко встречающиеся ныне среди нынешних военачальников следы дворянской породы, излагает нам, будущему флота, своё видение нашего места в его структуре и стоящих перед нами задач.

– Согласно статистике, всего лишь пять процентов из всех выпускников военных училищ проходят обучение в академии. Здесь собран цвет нашего флота, я бы сказал, его сливки.

Сидящие в зале проникаются ощущением собственной значимости. По лицам чувствуется, что осознание своей сопричастности к флотской элите преисполняет многих гордостью. Некоторые невольно приосаниваются. Умеет же ветеран подобрать нужные, проникновенные слова и вдохновить подчинённых на рвение и доблестный ратный труд, пусть даже пока за партой.

Но не всеми, сидящими в зале, услышанное воспринимается столь однозначно. Острый, а зачастую критично настроенный ум некоторых индивидов пытливо ищет в нём скрытый подтекст или неведомый даже автору смысл произнесённых слов. И находит же!

Слышу, как мои соседи, будущие военные экономисты, перешёптываются между собой, обсуждая последнюю фразу главкома.

– К тебе, Андрей Петрович, как лучше теперь обращаться – сливка или сливок, – спрашивает Валерий Эдуардович у своего приятеля.

В обществе называть друг друга по имени и отчеству у многих из нас уже давно вошло в привычку, но иногда, в приватной беседе, хочется уйти от официального тона. И использовать для этого ёмкий, лаконично звучащий термин, только что предложенный главкомом, им представляется весьма соблазнительным.

Завязывается спор, сопровождаемый сдавленным смехом. Соседи начинают шикать на приятелей, призывая их к порядку. Через некоторое время вновь воцаряется тишина, нарушаемая лишь голосом главкома, доносящегося из динамиков. Его ставшая слегка монотонной речь постепенно приводит меня в состояние, схожее с анабиотическим. Оно посещает меня порой при прослушивании инструктажа по технике безопасности или на политинформации. Я чувствую, что постепенно становлюсь настоящим слушателем академии.

– Наша служба благородна, но необходима, – продолжает между тем свою речь главком. Соседи, прекратившие на время свои комментарии отдельных её положений, недоумённо переглядываются, и их приглушённый смех отвлекает меня от плавно текущих мыслей. Я механически воспроизвожу в памяти только что прозвучавшие слова, и до меня доходит их довольно парадоксальный смысл.

Похоже, что большинство в аудитории эту оговорку главкома воспринимает, как должное, и живо реагируют на неё только мои соседи. Нет, с этими господами скучно не придёт – резюмирую я, глядя на них.

Время подтверждает моё предположение.

Мамаша Ширшов

– Мужуки, – обратился к нам Ширшов, заходя в класс, – Ваша мама пришла, молочка принесла. Разбирайте новогодние подарки своим семьям.

«Мужуки» было одним из его любимых слов, с которым он обращался к нам. Другими яркими представителями его словесного арсенала были «чумадан» – так он называл служебный чемоданчик, в котором каждый из нас держал секретные тетради и учебники, и «куркулятор» – вычислительный прибор.

Впрочем, у каждого из здесь сидящих были свои словесные перлы. Из них самым безобидным были «транвай» и «кардонка» из репертуара шефа, старшего нашей группы. При этом было трудно определить, искренне ли он заблуждался относительно корректности их произношения, или это было нарочитой формой проявления своей индивидуальности.

Ширшов поставил свой объёмистый портфель на стол и стал доставать оттуда свёртки с деликатесами – здесь были балыки лосося, палки твердокопчёной колбасы, банки с тресковой печенью и прочая аппетитная снедь. Мы с удивлением наблюдали, как на свет появляется это богатство, наполняя помещение дурманящим ароматом копчёностей и создавая атмосферу праздника.

В свободной продаже подобные продукты были большой редкостью, и в трудовых коллективах они распределялись по линии профсоюза через широко распространённую в эпоху развитого социализма систему заказов. Заказы обычно появлялись в канун государственных праздничных дней, и ввиду ограниченного их количества доставались счастливым в порядке жребия.

На нас, слушателей академии, подобная система распределения товаров повышенного спроса не распространялась. Профсоюза у военнослужащих не было по определению – создавать организацию для защиты интересов служивых людей от государственного произвола было бы, по меньшей мере, странным. Впрочем, если попытаться поглубже вникнуть в суть вопроса, было бы нетрудно прийти к вполне логичному умозаключению, что само наличие профсоюзов в условиях самого гуманного в мире строя с его централизованным планированием и отсутствием класса эксплуататоров выглядело бредовой затеей.

Накануне, по пути домой, внимание Ширшова привлекла вывеска «Отдел заказов» на дверях одного из подвальных помещений дома,

расположенного недалеко от нашей академии. Из любопытства он и заглянул туда и разговорился с хозяйкой помещения. Чем он смог её очаровать – одному богу известно. Хотя надо заметить, что его открытая улыбка, бесхитрое выражение лица и ямочка на подбородке подкупали любого собеседника, особенно если он был женского пола. Вероятно, в силу сказанного, а, может быть, ведомая внезапно возникшим порывом щедрости, иногда посещающим даже самого закоренелого скрягу, эта дама прониклась участием к этому симпатичному увальню и предложила порадовать его семью дефицитным продуктовым набором.

– И чем же, всё-таки, ты её обольстил, – донимали его мы, глядя на это изобилие. Нас терзало нескрываемое любопытство, и мы состязались в выдвижении разнообразных, в том числе и не самых невинных гипотез.

– Да ничем особенным, просто пообщались. Я поинтересовался, как бы мне купить для семьи эти вот штуки, которые у неё на прилавке. Она и согласилась. Ну, назвал эту тётеньку девушкой. А что тут такого? – он скромно улыбнулся.

Далее, с его слов, события развивались примерно так. Увидев перед собой пакет с продуктами, Ширшов потерял его в руках и замялся в нерешительности.

– Вы знаете, у меня семья большая. Семеро нас. Со мной вместе. – Он улыбнулся своей лучезарной улыбкой. Дама с уважением посмотрела на офицера и полезла за вторым набором.

– Вы не совсем правильно меня поняли, девушка. Таких как я семеро будет. И все люди семейные.

– Ну, что с вами делать, – покачала головой дама. Но, видимо, отступить ей уже было некуда.

Как сложились их отношения в дальнейшем, нам неизвестно, но он ещё не однажды радовал нас этими вкусными, как говорят подводники, доп-пайками. В таких случаях мы между собой уважительно называли его мамашей. Странно, что при этом никто не вспоминал про козлят.

* * *

Ширшов жил в общежитии в Песочном, и его соседом по квартире был преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Станислав Панин. Он читал лекции по истории партии в потоке факультета, и в нашей группе вёл практические занятия. Хотя, на мой взгляд, термин «практические»

применительно к этой дисциплине звучал довольно нелепо.

Как выразился в отношении Панина один наш старшекурсник, характеризуя педагогов академии (по традиции новобранцы накрывали стол своим предшественникам, а те щедро делились секретами оптимального прохождения обучения) – это человек с глазами профессионального сумасшедшего. Глаза у него и действительно сверкали каким-то странным блеском. Служению идеалам марксизма он был предан беззаветно, и основные положения своей дисциплины доносил до нас проникновенно и без тени сомнения в голосе. Правда, со слов Ширшова, в быту он был вполне адекватным обстоятельствам и вменяемым человеком.

На занятиях мы частенько подтрунивали над товарищем.

– Что-то Панин к тебе равнодушен. Никогда не поднимет, каверзный вопрос не задаст.

Ширшов мялся, немного краснел и сконфуженно улыбался.

– Собаки вы лесные. Нам и так общения хватает. Ну что нового я ему скажу?

Перед экзаменом наш шеф взял Ширшова в плотное кольцо осады и не давал ему спуска. Надо сказать, что, если шеф чего-то сильно хотел, он непременно этого добивался. И кольцо поэтому мог легко организовать даже в одиночку.

– Александр, вся надежда на тебя. Поговори ты с Паниным по-свойски, – заходил в очередной раз шеф в атаку на нашего товарища.

Организовать определённую схему сдачи экзамена всегда считалось главной задачей старшего группы. Схем было несколько – крапление билетов, «черепашка» – кража лишнего билета со стола во время экзамена для идущего, ожидающего за дверью, использование «бомб» – заготовок ответов на стандартных листах, и что-то ещё в таком же духе. Для организации какой-либо схемы существовали другие схемы, предполагающие, в частности, проникновение на кафедру накануне экзамена, подбор ключа от сейфа, в котором хранились экзаменационные материалы и разные прочие хитрости. Не знаю, правда или нет, но рассказывали, что иногда даже в графин вместо воды наливалась жидкость иного рода. Но это применялось только в отношении известных своими привычками экзаменаторов.

Реализация схем была нелёгкой задачей, требующей определённой выдумки. Затея далеко не всегда заканчивалась удачей. Иногда схем вообще не существовало. Но в нашем случае задача несколько

упрощалась. Нужно было только найти правильный подход к «соседям».

Ширшов оказался в довольно щепетильной ситуации. Отыскание лёгких путей даже для себя обычно не входило в его правила. Но здесь интересы коллектива возобладали, и он смирил гордыню. Понимая, что Панин будет искать способ сделать ему поблажку, он заявил Стасу – а общались они накоротке, что, если тот не пойдёт навстречу группе, он будет сдавать экзамен на общих основаниях. И что так заведено в их семье.

Это был удар ниже пояса. При всей своей принципиальности – а мы помним, что Панин был стойким марксистом – с Ширшовым у него сложились отношения иного, далёкого от стереотипа «начальник-подчинённый» рода, и снижать оценку соседу ему было как-то неловко. Тем более что в их общей квартире на Песочной надвигался ремонт.

Как часто в жизни человек предстаёт перед выбором. Терзаниям в поисках компромиссов не подвержены только фанатики. Но здесь был не тот случай, хотя близкий к нему. В итоге было найдено решение, устраивающее обе стороны. Панин согласился не тасовать билеты, а разложить их на столе в строгом порядке, начиная с первого. При этом он старался сохранить лицо, делая вид, что содержание билетов не станет нашим достоянием.

Экзамен был выдержан успешно. История партии – а все мы в силу служебного положения были людьми партийными – дополнилась малоизвестной историей одной её маленькой ячейки. Шеф от лица группы вынес благодарность мамаше Ширшову за очередную материнскую заботу.

* * *

Мы завершали зимнюю практику, проходившую на одном из полигонов ВМФ под Ригой. Утренним автобусом мы прибыли из Лиепаи в столицу Латвии, и город практически на весь день был предоставлен в наше распоряжение – поезд в Ленинград отправлялся ближе к вечеру.

Экскурсия по Риге и знакомство с её достопримечательностями заняли несколько часов. Мы прошли по набережной Даугавы, прогулялись по улочкам старого города, послушали знаменитый орган, звуки которого доносились из-за дверей Домского собора (билеты на концерт купить не удалось).

Проголодавшись, мы решили заглянуть в какой-нибудь ресторанчик и поближе познакомиться с национальной кухней.

Офицерская зарплата в то время иногда ещё позволяла подобную роскошь. Была суббота, и в городе было много местных жителей и приезжих.

Побродив по улочкам старого города в поисках какого-нибудь пристойного места, мы остановили свой выбор на скромном кафе, у дверей которого стояла довольно приличная, но вполне сносная по меркам того времени очередь. Ситуация была довольно типичной. Время ожидания официанта в подобных заведениях в расчёт не бралось – оно было ничтожно малым по сравнению с общим временем ожидания своего обслуживания – львиную его долю занимало наслаждение свежим воздухом. Заняв очередь, мы стали дожидаться своего часа.

Наши строгая, не лишённая определённого шарма военно-морская форма, будучи ещё сравнительно недавно предметом нашей гордости и уважительного отношения к её обладателям, рельефно выделяла нас на фоне окружающей среды. Нельзя сказать, что это обстоятельство здесь как-то согревало нас и придавало привычную уверенность. Напротив, мы слегка ёжились от холодных взглядов проходивших мимо рижан, а некоторые из них демонстративно отворачивались в сторону. Шёл 1988 год, и в странах Балтии настроение среди коренного населения приобретало всё более ярко выраженную сепаратистскую направленность.

Ширшов, как и все мы, привычно переминался с ноги на ногу и поглядывал по сторонам. Что-что, а умение стоять в очередях – это неотъемлемый атрибут, составная часть нашего национального достояния. А для человека военного, по определению привычного к тяготам и лишениям и закалённого солидным стажем несения караульной службы, это умение и вовсе доведено до совершенства. Изобретательность – обратная сторона этого качества.

Вынужденный простой у нашего брата стимулирует его ум искать себе более достойное занятие, нежели поверхностный анализ попадающих в поле зрения предметов окружающего пространства. Стараясь освободиться от чреды ассоциаций и безудержного потока цепляющихся друг за друга бесконтрольных мыслей, он абстрагируется от внешней среды и инстинктивно переключает сознание в состояние, которые восточные практики называют созерцанием. При этом мозг не отвлекается на мелочи и сосредотачивается на главном, пытается проникнуть в его суть. Может быть поэтому из среды военных вышло немало рационализаторов и изобретателей. Я и сам убедился в этом, работая в стенах одного из институтов министерства обороны.

Похоже, именно это состояние посетило нашего приятеля. Он

слегка рассеянно реагировал на наши реплики, поглядывал по сторонам и что-то замышлял. В какой-то момент он оставил нас и ненадолго исчез. Вскоре его фуражка мелькнула невдалеке, он подошёл к нам и поманил за собой.

– Мужуки, идём. Я обо всём договорился.

Мы подошли к дверям какого-то небольшого старинного вида здания. Никаких вывесок или иных атрибутов, указывающих на его принадлежность к месту общественного или индивидуального питания, здесь не наблюдалось. У дверей висела только какая-то чеканка, мало о чём говорящая. Ширшов постучал в дверь, и она открылась. На пороге появился почтенного вида пожилой швейцар в бордовой ливрее. Он услужливо кивнул нам.

– Господа офицеры, прошу вас.

Мы прошли внутрь. Швейцар провёл нас по ступенькам, ведущим вниз, в полуподвальное помещение – там располагался гардероб. Мы разделись и поднялись наверх, прошли в небольшое, похожее на фойе, помещение и слегка оторопели. Интерьер помещения украшала мебель из красного дерева, кресла обтягивал бархат, окна были драпированы фактурными портьерами. На стенах, в массивных бронзовых рамах висели картины, их гармонично дополняла тяжёлая хрустальная люстра. Мы недоуменно озирались и невольно втягивали головы в плечи.

– Ширшов, куда ты нас привёл, в музей или в театр? – приглушённым голосом поинтересовался Пётр Зюзликов, оглядываясь по сторонам.

– Чайник ты, Петя, – улыбнувшись, ответил Ширшов. – Крышечку поправь. Это ресторан Совета министров республики.

Его слова ещё больше шокировали нас. Это был действительно служебный ресторан и, как выяснилось позже, в выходной день он мог позволить себе обслужить посторонних посетителей. Но пускали сюда не каждого.

Метрдотель в смокинге, белой рубашке с чёрной бабочкой пригласил нас в уютный зал, где было сервировано ещё несколько столов, за которыми сидела немногочисленная публика. Он предложил нам карту блюд и сообщил, что если мы собираемся заказать что-нибудь из спиртного, то на одного гостя может быть заказано не более ста граммов любого напитка. В ту пору в Советском Союзе была развёрнута компания по борьбе с пьянством, и соблюдение порядков строго контролировалось даже в этом заведении.

– Но если господа офицеры не хотят себя ограничивать, мы оформим это отдельным заказом, – продолжил метрдотель и подозвал официанта. Он сказал ему что-то по-латышски, и тот услужливо кивнул.

Мы переглянулись. Ничего подобного никто из нас не ожидал. Всё-таки уважение к офицеру ещё ютилось в сознании некоторых оставшихся представителей ушедшего в прошлое сословного общества.

Надевая шинели и с трудом застёгивая их на животе, мы были преисполнены благодушия и всем своим видом наглядно иллюстрировали фразу «Жизнь удалась». Цены здесь нас тоже приятно порадовали.

Петя не унимался.

– Санечка, как ты нашёл это место и договорился, чтобы нас пропустили?

– Я вижу – в эту дверь время от времени заходят прилично одетые люди, и сытые и вальяжные выходят обратно. Ну и подумал – здесь не иначе, как кормят. Решил проверить. Подхожу, а из-за дверей такой запах, я вам скажу! Вы моё чутьё знаете. Стучу – появляется этот дяденька, – он кивнул на метрдотеля. – Я представился и спросил у него разрешения покормить свою семью. Он хоть с виду и строгий, но мне не отказал.

То, что на флоте экипаж – семья, дяденька догадался сразу, увидев нас. Ну а кто в ней мамаша – вы знаете сами.

«Богеве почеру» или ручки на выручку

– Товарищи офицеры, разрешите познакомиться с вашими конспектами, – обратился к нам старший группы.

Мы сидели в классе и занимались подготовкой к сдаче экзамена по марксистско-ленинской философии и политэкономии, слитых, как известные ингредиенты средства ухода за телом, в один флакон некой синтетической дисциплины, читаемой кафедрой с соответствующим названием.

Обращение старшего прозвучало для нашего слуха несколько странно. Формально шеф был нашим начальником, но он никогда не прибегал к административному стилю управления и выступал, главным образом, в качестве посредника между нами, рядовыми слушателями академии, и вышестоящим командованием. И вот – на тебе, предъявите конспекты.

Мы протянули ему свои тетради. Он бегло полистал их и вернул нам. Никаких комментариев не последовало. Мы недоумевали.

На перекуре он подошёл к нам с Зюзликовым и с заговорщическим видом, оглянувшись по сторонам, сделал довольно неожиданное предложение.

– Хочу вас привлечь в испытательную партию.

Мы с Петром переглянулись.

– Что ты имеешь в виду? – уточнил я.

Он вытащил из внутреннего кармана тужурки пару шестигранных ручек и протянул их нам. Я взглянул на неё – ручка как ручка.

– Ты на свету внимательно её рассмотри.

Я снова повертел ручку в руках и вдруг обнаружил, что при определённом положении на её бликующей грани начинали чётко проступать мелкие, нацарапанные иглой слова. Каждая грань содержала, как минимум, две, а то и три строчки, причём текст изобиловал сокращениями и аббревиатурой.

– На каждой такой ручке изложен один экзаменационный вопрос, – пояснил шеф, вытаскивая из кармана ещё горсть аналогичных шестигранников.

Искусство и смекалка автора творения впечатляли.

– Прекрасно. А мы тут при чём?

– У вас почерк разборчивый.

Подготовка к экзамену по общественным наукам требовала выделения существенного ресурса – как временного, так и интеллектуального. И ладно, если бы он тратился только на изучение философского блока – сам по себе, он был любопытен и расширял наш кругозор. Но вот другой источник, другая составная часть марксизма, политэкономия, в последнее время подвергся жёсткой ревизии и радикальному пересмотру.

Затеянная Горбачёвым перестройка экономического уклада страны велась с открытого листа, буквально на ощупь. Пленумы ЦК КПСС едва успевали закрепить новые экономические принципы хозяйствования в своих решениях, как буквально тут же альтернативная экономическая школа брала верх в борьбе за влияние на генсека, и линия партии приобретала новый излом. Поэтому трата ресурса на изучение этой столь зыбкой и подвижной субстанции представлялась неоправданной,

расточительной роскошью. И направлять его следовало в иное русло.

Наша профильная кафедра, готовившая нас по основной специальности, славилась обилием наукоёмких, насыщенных математикой дисциплин, изучающих физические поля корабля. Теоретические основы этих самых полей были тесно связаны с основными положениями фундаментальных законов природы, и мы по праву гордились тем, что у истоков нашей специальности стояли маститые учёные и даже академики. Поэтому посвятить лишний час для усвоения правильности написания тройного интеграла в сферических координатах было более чем разумно.

И вот теперь, глядя на эти ручки, мы оценили открывающиеся перед нами возможности.

О схемах сдачи экзаменов уже упоминалось. Не знаю, чьим изобретением были эти ручки, но, судя по всему, в среде слушателей они к тому времени начинали занимать прочное место в перечне средств обеспечения сдачи экзаменов. Правда, не всех, но экзаменов подобного рода – без сомнения. Для нас это было новинкой, и технология использования столь специфичного подсобного материала требовала апробации.

Шефу комплект этих уникальных изделий прикладного искусства достался от наших предшественников по курсу. При более детальном рассмотрении содержащегося на этих пластмассовых скрижалях марксистского наследия подтвердилось предположение, что, в силу сдвигов в экономической сфере, произошедших за истекший год, его необходимо было творчески доработать и развить. Философская часть этого не требовала, но, поскольку состав вопросов претерпел изменение, весь комплект ручек нуждался в обновлении.

Как показывал опыт предшественников, нанесение информации на грани ручки было довольно трудоёмким и кропотливым занятием, и оптимальным считалось привлечь к этому нескольких человек. Да и распределить этот весьма плотно упакованный, но всё же довольно громоздкий комплект знания тоже было проще среди нескольких участников. А, поскольку в аудитории обычно присутствовало не более четырёх экзаменуемых, и при этом один из них занимал внимание комиссии ответом по билету, шеф решил «сообразить» это дело на троих.

За пару дней до экзамена мы закупили комплект авторучек и приступили к освоению навыков гравировщика. Через некоторое время я уже довольно разборчиво заполнял каждую грань ручки тремя строками

текста, не прибегая к заумной аббревиатуре. Хотя наиболее часто встречающиеся слова и словосочетания, типа «перестройка» и «ускорение социально-экономического развития», я заменял на П и УСЭР, соответственно. Полное название стран соцлагеря заменили сокращения Бо Ге Ве и По Че Ру, которые писались слитно, в два слова. Также поступали и мои товарищи.

Ручки, или дружки, как мы их называли, раскладывались в специально изготовленные газыри, пришитые к внутренней поверхности тужурки. Обмен пластиковыми шпартгалками происходил в порядке невинной помощи товарищу путём передачи ему ручки – паста в стержне могла закончиться в любой момент, и это не должно было вызвать подозрений. При этом запрос на передачу сопровождался демонстрацией комбинации пальцев, обозначающей её номер. Перечень вопросов с номерами содержал отдельный карандаш, предписывающий, «где искать дружка», или ГИД. Гид имелся у каждого из совладельцев пакета.

Отработка взаимодействия по передачи носителей знания проходила за день до экзамена и напоминала сцену из известной кинокомедии «Операция Ы» – «Билет номер восемь, при нём задача». Проговаривание номера билета облегчало ориентацию в газырях.

Главный риск схемы заключался в непредвиденной замене формы одежды на экзамене. Об этом командование сообщало утром, в день экзамена, и решение принималась в зависимости от погоды – в случае жаркой погоды тужурки отменялись. Остаться в одних рубашках было бы катастрофой. Но шеф и здесь нашёл выход. Он приказал на экзамен под тужурки надеть рубашки без погон. Не иметь знаков различия на форме было нонсенсом, поэтому без тужурок мы гарантированно не остались бы.

Это распоряжение шефа в очередной раз вызвало недоумение у коллег, не входящих в испытательную партию и не посвящённых в нашу затею, но шеф пояснил, что некоторые неважно себя чувствуют, и что всю ответственность он берёт на себя. Похоже, что недоумение развеять ему не удалось.

Настал день экзамена. Наша тройка вытащила билеты и заняла места на соседних столах. После небольшой суеты мы благополучно обменялись ручками и приступили к подготовке ответов.

Через несколько минут я почувствовал недоуменный взгляд шефа, устремлённый в мою сторону. Глаза его, и так не отличающиеся своей миниатюрностью, теперь, казалось бы, и вовсе вылезали из орбит. Он

вертел в руках ручку и переводил взгляд с неё на меня. Похоже, я передал ему «гранату не той системы».

Я снова полез в карман и проверил свой арсенал. Недоставало ручки с требуемым номером – в счёте я, похоже, не ошибся. Но что-то было не так. И тут я понял свою ошибку. Нужно было воспользоваться другим газырём!

Я прошёлся левой рукой по правильной шеренге, отсчитал нужную ручку и замер в нерешительности. Повторно передавать её товарищу было бы подозрительным. Я положил ручку на стол и, как бы невзначай, смахнул её на пол. И – вот же неудача – она зацепилась за незаметный выступ на краю стола и, утратив импульс, упала посередине широкого прохода между нашими столами.

На звук падения один из членов комиссии, стоящий к нам спиной, повернулся и сделал шаг в нашу сторону. Он нагнулся, поднял ручку, повертел её в руках, и, как нам показалось, с оттенком подозрения в голосе спросил:

– Чья это? – Повисла небольшая пауза.

– Моя, – наконец выдавил из себя шеф, понимая, что терять ему нечего. – Стартовое волнение.

– Да вы не волнуйтесь, вы же всё знаете, – педагог улыбнулся и протянул ему шпаргалку. Я перевёл дух.

В конце моего ответа на вопросы билета один из экзаменаторов вдруг задал мне неожиданный вопрос.

– Вы правильно охарактеризовали принципы нашей внешнеэкономической политики. А не могли бы вы перечислить страны, входящие в состав СЭВ?

В состав Совета Экономической Взаимопомощи входят Болгария, ГДР, ... – я без запинки перечислил всех участников, мысленно расшифровывая ставшую уже привычной комбинацию.

– У меня больше нет вопросов, – он повернулся к членам экзаменационной комиссии.

Апробация схемы прошла успешно, но дальнейшего применения в нашей практике сдачи экзаменов она не получила. Серьёзные науки доверять мягкому, обманчивому пластику ручек не хотелось, да и отношение к ним было нешуточным – от их усвоения зависело наше будущее.

Словосочетание «богаве почеру» с тех пор на некоторое время

устойчиво вошло в наш обиход, напоминая об этом забавном случае. Как знать, может быть и по сей день оно бы перекочёвывало с одного комплекта шпаргалок на другой, не случись того, что произошло с нами со всеми чуть позже.

Курятник

В академии развёрнута борьба с курением. Обычно для перекуров в просторном здании академии используются площадки между широкими лестничными пролётами, каждая из которых своей вместительностью может легко посоперничать с иной аудиторией. В перерывах между занятиями здесь довольно вольготно чувствуют себя не менее двух десятков воздыхателей аромата табачного тления, и при этом на площадке останется ещё достаточно места для использования лестницы по прямому назначению.

В последнее время здесь особенно оживлённо. Это место как нельзя лучше подходит для обсуждения последних политических событий, происходящих в стране в ходе перестройки, и горячий обмен мнениями прекрасно заполняет паузы между затяжками сигаретой.

Автор идеи оздоровления атмосферы в помещениях академии остаётся неизвестным. Думаю, он правильно делает, сохраняя анонимность и не бравируя свой изобретательностью даже в узких кругах. Потому как форма реализации этой идей крайне антигуманна.

Во дворе академии, на достаточном удалении от главного входа в здание, сооружается крытый деревянный помост размером с половину волейбольной площадки. Ветераны утверждают, что в прежние времена именно это спортивное сооружение здесь и располагалось, собирая в свободные от занятий часы любителей волейбола. Рядом, под сенью тополей, выстраивалась многочисленная армия болельщиков – этот вид спорта, наряду с футболом, пользовался тогда большой популярностью. Отпуская острые комментарии в адрес играющих и давая им ценные советы, многие знатоки игры при этом с удовольствием затягивались сигаретой. Может быть, в этом и прослеживается преемственность в выборе места для нового культового сооружения.

В среде любителей табака возведённая конструкция с лёгкой руки одного из острословов нарекается «курятником». Жёрдочки по периметру площадки, обозначающие перила, да и вся концепция строения, в целом, вызывают именно эту ассоциацию. А вот некурящие пренебрежительно называют её резерваций для бледнолицых – в их среде бытует широко распространённое заблуждение, что цвет лица у

курильщиков не отличается повышенной румянностью. Они почему-то не принимают в расчёт тот факт, что те проводят больше времени на открытом воздухе. И «курятник» тому немало способствует.

По наивному замыслу инициатора нововведения, одобренного командованием академии, неудобство осуществления перекура, особенно в зимнее время, должно с неизбежностью привести к сокращению количества выкуренных сигарет и тем самым благотворно скажется на здоровье военнослужащих. Ага, сейчас!

На деле же в новых обстоятельствах курильщики начинают прибегать к всевозможным уловкам. Некоторым ветеранам табакокурения припоминаются школьные годы, когда с сигаретой во рту они щеголяли своей взрослостью в туалетах, закрытых для доступа учителей из числа женского персонала. Эта забытое чувство кажущейся защищённости подсказывает им искать убежище для удовлетворения своих насущных потребностей в облицованных кафелем интимных пространствах санузлов.

Делается это на первых порах довольно робко – процесс стартует с периферии, и в нём участвуют наиболее заядлые курильщики-профессионалы, для которых походы в курятник и обратно занимает львиную долю рабочего времени. Их реакция на открывающуюся в туалет дверь поначалу тоже чем-то напоминает поведение школьника. Но вскоре в это процесс вовлекаются и любители, выкуривающие какую-то жалкую треть пачки в день. Движение набирает силу, ширится и захватывает новые плацдармы.

С наступлением холодов запах табачного дыма уже начинает ощущаться в туалетах, непосредственно примыкающих к коридорам власти. И даже меры дисциплинарного характера не способны сдержать напор испытывающих никотиновое голодание масс. Мы сами становимся свидетелями и непосредственными участниками этого процесса.

Как-то в один из перерывов между занятиями мы с приятелем заходим в туалетную комнату и застаём там нашего одноклассника, смачно затягивающегося папирсой. Прежде при появлении посторонних нарушитель порядка немного конфузился и невольно прятал руку с сигаретой за спину – дежурной службе было вменено в обязанность следить за выполнением установленного регламента. Реакция нашего приятеля довольно неожиданна. Стоя спиной и выпуская облако дыма, он вальяжно поворачивается к нам, и при этом ни один мускул на его лице не меняет своего тонуса. Видя, что мы вовсе не собираемся разделить его компанию, он искренне возмущается.

– Вы что здесь собираетесь делать? Идите во двор, вам для этого там будку сколотили!

Я воспринимаю это циничное заявление как провозвестник окончательной победы стихийного движения над непродуманным использованием административного ресурса.

Весной, не простояв и одного сезона, «курятник» сносится, оставляя на память о себе срытую клумбу и стойкий, медленно улетающий запах «бычков». Лестничные площадки оборудуются урнами, и они вновь превращаются в забытое на время в место традиционного обсуждения последних политических новостей и планов на выходные.

Непобедимый у нас всё-таки народ.

Владивосток, без десяти 2000

Ночную тишину нарушил гул запущенных турбин. Лайнер слегка дрогнул, преодолевая загадочное сопротивление трения покоя, нехотя тронулся с места и медленно покатил по бетонному полю аэродрома, направляясь в сторону взлётной полосы.

Нам предстоял девятичасовой беспосадочный перелёт во Владивосток в компании почти полутора сотен офицеров тихоокеанского флота, большинство из которых успешно прошли вступительные экзамены в академию и возвращались домой, в распоряжение своих частей. Теперь им надлежало в короткий срок оформить все необходимые документы, упаковать свои чемоданы и убыть к новому месту службы. Да-да, именно службы. Ибо обучение для офицера – что сон для солдата. Он учится, а служба идёт. Некоторые офицеры умудряются «за партой» провести чуть ли не треть срока своей службы. Прикиньте сами – пять лет в училище, потом два, а то и все три в академии, ну и прочие разные курсы. Так что пропорция, примерно, та же.

Через неделю этим же бортом большинство из здесь сидящих снова возвращалось в Ленинград.

Это было уже моё второе посещение Дальнего Востока на борту служебного лайнера. По заведённой традиции командование Тихоокеанского флота каждый год в период вступительной сессии выделяло из состава военно-транспортной авиации специальный борт для перевозки будущих слушателей академии, существенно упрощая им решение транспортных проблем.

